

женщина „прельщается“ змеем; змей начинает прилетать к ней; женщина блекнет и грустит, и все же единственную отраду свою она находит только в этих губительных для нее посещениях. „... В хуторе Заоскольском, — рассказывала купьянская крестьянка, — летал по ночам к одной женщине огненный змей. Прилетит, ударится об землю и станет молодцом. От ласк молодца женщина стала как щепка...“¹

Нередко змей, по народным рассказам, принимает образ мужа (живого или умершего) обольщенной им женщины.²

Знают народные рассказы и средство избавления от огненного летающего змея — насильника и оборотня: это или удачный мудрый ответ девушки или женщины на вопрос змея или какой-либо имеющий чудесное свойство предмет (цветы, трава и проч.) или, наконец, освященные в церкви вода и мак и просто — молитва. В приводимых П. П. Чубинским рассказах говорится, что черт (заменивший здесь змея) не может подойти к девушке, украсившей свою голову цветами терлыча и той: „Кедыб не терлыч, да не тоя, — говорит он, — була б дівчына моя,“³ в рассказе из м. Глодоссы говорится о спасении женщины тем, что ей „посвятылы на голови воду, обсыпалы хату свяченым маком“; и т. д.

Итак, образ змея в подобного рода рассказах, заговорах и проч. таков же, как и в повести о Петре и Февронии; бесспорное сходство с повестью можно отметить и в сюжете этих произведений; но избавление от змея в них изображается совершенно иначе; здесь нет змееборства, характерного для повести. И все же ценность этих произведений для выяснения генезиса повести о Петре и Февронии очень значительна: они, подтверждаемые летописными записями, являются живым свидетелем наличия в фольклоре древней Руси того же самого образа змея, который мы находим и в повести. Представления об огненном летающем змее, насильнике и оборотне, были обычны для древней Руси на много раньше того времени, к которому предположительно относится создание повести о Петре и Февронии.

Но между первой частью повести и этими мелкими фольклорными произведениями об огненном летающем змее полного совпадения нет. Это особенно надо сказать о развязке первой части повести — змееборстве Петра, которой в фольклорных произведениях соответствует ряд других разрешений. Значительно больше соответствий с первой частью повести в целом встречается в русских былинах.

Русский былинный эпос знает ряд богатырей змееборцев, это — Добрыня Никитич, Алеша Попович, Михаил Поток, Илья Муромец и др. Следует отметить, что в истории изучения этих былин мы не встречаем

¹ П. И. Из области малорусских народных легенд. Этн. обзор., М., 1892, кн. XIII—XIV, стр. 82.

² В. Н. Ястребов Из народных уст. Этн. обзор., М., 1896, кн. XXXI, 4, стр. 153.

³ Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-русский край...“ Мат., собр. П. П. Чубинским, т. I, СПб., 1872, стр. 80.